

Сергей Пылёв

Опыты Луизы над Монтенем

Повесть

*Жизнь сама по себе — ни благо,
ни зло: она вместительна и блага,
и зла, смотря по тому, во что
вы сами превратили ее.*

Мишель Экем де Монтень

1

Мужики, кому приходилось искать работу после шестидесяти? Вы возразите, что вопрос мой заведомо пустой, ибо большинство из нас просто не доживают до такого мафусаилова по нынешним меркам возраста. И все же, все же... Доложу вам, что это во всех отношениях познавательная затея, хотя и заведомо провальная. Пусть вам лишь немного за пятьдесят или даже около сорока пяти, результат будет тот же самый. Порой складывается ощущение, что работодатели размещают объявления только для того, чтобы потом вам с порога зловредно отказать. Или дело в моей прежней профессии, указанной в последней записи моей трудовой книжки от ветхозаветного 1991 года: «Уволен по собственному желанию в связи с переходом на профессиональное положение писателя». Не больше и не меньше. Только по жизни я от этого звания, как мог, дистанцировался. Слово «писатель» в народе чаще ругательное и почти никакого отношения к толстым или чеховым вкупе с Достоевскими не имеет. Это ярлык, который наклеивают на любителей строчить верноподданнические письма на самый верх или доносы куда надо. Плюс назваться ныне писателем, так это все равно, что объявить о своей полной материальной несостоятельности. Повестушку делаешь в муках полгода, а получаешь за нее оскорбительный гонорар тысячи в три с вычетами. «Так завоевывай рынок!» — возопят адепты, крещенные новой олигархической религией. Только простите, господа хорошие, но мне мира хочется. Во всем мире. И даже в галактических масштабах.

Попытаться вернуться в касту работающих россиян меня вынудила внезапная смерть жены. У нас в России существует парадокс — одному на пенсию не прожить, а на две муж с женой могут перебиваться. Если, конечно, они способны из ничего приготовить некое подобие еды, а старые вещи донашивать со смиренным достоинством.

Овдовев, я через какое-то время попытался устроиться корректором, предлагал свои услуги на вакантные места библиотекаря или архивариуса, но везде получал стандартно безразличный ответ — вы, мол, опоздали. Понятно, лет на тридцать в лучшем случае. Хотя, возможно, сказывалась моя убитость, — Марина умерла слишком рано. Мы так и не успели побыть с ней, как мечталось, идеальной стариковской парой.

Наконец я понял, что могу претендовать лишь на должности типа «без специальных навыков» — тот же расклейщик объявлений, сторож магазина, контролер в торговом зале или дворник... Да и то, если мне не перебежит дорогу некий гастарбайтер, согласный на любые условия, вернее, на полное их отсутствие. Только и на этом направлении мою кандидатуру ждал облом. Даже когда я попытался устроиться швейцаром в средней руки ресторан. Меня попросили показать жест, коим я буду распахивать двери перед гостями. Я попытался исполнить его как можно величественней и одновременно радушной. Senior manager великолепно рассмеялся и пообещал перезвонить, но этого не случилось. Сам же я отказался только от одного места — охранника на автостоянке. Камнем преткновения на пути к этой денежной профессии (за счет ночных левых машин) стала, казалось бы, необременительная обязанность приготовить в котле жрачку для трех сторожевых псов, а потом раздать ее им. С первого раза я твердо понял, что эти милые собачки с пеной на безжалостных клыках предпочтут меня свеженького тухлому месиву из котла. Так что рано или поздно их мечта должна была осуществиться.

А почему заправщиком на АЗС «Октановый рай» меня взяли сразу, даже радушно, словно давно ждали, когда же я, наконец, осчастливлю их своим появлением — вопрос решительно мистический и долгое время недоступный моему пониманию. Это произошло по церковному календарю как раз на Крещение. Неужели сказалось предпраздничное христианское желание моих будущих начальников творить добро на всей Земле? Все поставил на свои места глубокий анализ социологического портрета современного автозаправщика, исполненный управляющим АЗС, — отставным майором стратегических ракетных войск Анатолием Николаевичем Коржаковым, отправленным в запас из некогда дислоцированной в Козельске 28-й гвардейской ракетной дивизии. На ее вооружении находились шахтные комплексы межконтинентальных баллистических ракет SS-19 «Стилет» по

натовской классификации. Одним словом, Анатолий Николаевич где-то с уголочка, но держал в своих руках ядерный щит Родины. Но на обмывании своих майорских звезд после семисот граммов пятизвездочного «Аралата» на спор пронес за территорию части в обычном туристическом рюкзаке килотонный атомный фугас. Туда и обратно. Само собой, кто-то из «писателей» не смог не стукануть. С вдохновенной бдительностью. До нашей АЗС бывший майор успел поработать каменщиком, грузчиком и водителем-санитаром в здешнем морге. Своими глубинными кадровыми наблюдениями он решил поделиться со мной, печально разглядывая мою трудовую книжку с той роковой «писательской» записью. Видимо, посчитал, что обязан, прежде чем я буду бесповоротно причислен к лику ПОСЛЕДНИХ ПРОЛЕТАРИЕВ страны, кои мужественно трудятся в глюкогенной ауре бензиновых паров, объяснить мне, куда я решил вляпаться. По его многолетним наблюдениям, кадры бензозаправщиков подпитывались в основном представителями четырех слоев нынешнего российского народонаселения:

— студенты, коим удобно подрабатывать в ночную смену;

— временщики, настроенные перекантоваться тут перед получением более выгодного места;

— рядовые народные пенсионеры;

— придурки.

Последние составляют самый значительный контингент людей, которым Родина доверила держать в руках наперевес бензиновый пистолет. Таких до 40 % . И с ними вполне можно работать! Еще как! Даже легче, надежней, чем с разными там пришибленными умниками, способными на всякие неожиданные выкрутасы. Придурки дисциплинированы, старательны, исполняют с рвением всякое порученное дело, даже самое, казалось бы, неподъемное или унижительное. А на разные их странности можно рукой махнуть и виду не подавать, что заметил какой-нибудь эдакий идиотский выверт: один всегда с поклоном к тебе выскакивает и подает руку, придерживая ее другой для надежности; иной говорит, стоя перед тобой на коленях, будто бы из удобства ему такой позы... А вот еще был у него заправщик, которому нарочно шепнули, что Коржаков надумал уходить. Так тот три недели ходил в головной офис проситься на место управляющего. А когда его прикольно назначили и даже выдали ему на руки приказ, так он от счастья незамедлительно повесился, чтобы, не дай Бог, не успели развеяться счастливые грезы.

— Я еще много такого тебе расскажу, что на десять романов хватит! — побледнел от вдохновенного азарта Коржаков. — Напишешь?

— Поглядеть будем...

— Тут у нас через день такие закидоны, что никакие «юрмалы» после них тебя не развеселят. Как сейчас помню: бежит молодой заправщик за водителем-бабой, не найдя отверстия бензобака, и кричит отчаянно: «Женщина! Женщина!!! Куда вам вставить?!» Ничего удивительного. Машина на машину не похожа. Так что некоторые из новичков вставляли пистолет даже в выхлопную трубу. А один умудрился до горловины бака дотянуться через салон автомобиля.

С первого дня Анатолий Александрович был ко мне участливо добр и внимателен. Как настоящий батяня-комбат. Бывало, выглянет гвардии майор в форточку своего кабинетика и кричит: «Сергей Владимирович! Хватит брешить снег (пылюгу мести)! Идите чайку попейте, покурите!» Или вот еще для всех окружающих небывалое, замудренное: вынесет наружу свое кособокое пластиковое креслице и поставит мне: «Посидите немного. Вам персонально разрешаю. Душа у меня болит, на вас глядя... В ваши годы вдовцом стать. Берегите себя. Мужики, которые в возрасте одни остаются, кони нарезают только так. Вот что: приглядитесь повнимательней к нашим девкам. Про Ирку, старшего оператора, мне уже доложили, что она по вам сохнет. Сам заметил: заикается, когда с вами говорит. Хорошая девочка. Не обжимается ни с кем. Всегда что-то читает. Да только она замужем. А вот тогда Луиза? Свободная. При квартире. Как она вам?» — «Не знаю...» — «Да, да, да... Вроде и молода, и рожица хорошая... Книжки какие-то читает особенные... Умница! Но все равно не ровня вам. Зато кофе, зараза, умеет такой, эх-ма, сварганить...» Вот такая дружеская искра между нами иногда проскакивала.

В общем, со всех сторон место моей новой работы оказалось исключительно достопримечательным. Воронеж гордится своей причастностью к созданию первого военно-морского флота, нобелевским Буниным и народным Кольцовым, но при этом по какому-то непростительному недогляду не в курсе относительно нашей АЗС в проулке с ветхосоветским названием «Тупик Героев Труда». Бензоколонка эта обладает особой сакральной значимостью благодаря своему особому соседству: во-первых, да будет вам известно, что рядом с бензином всегда оседает сообщество глюколовов — автомобильным горючим они при варке маковой соломки заменяют ставший дефицитным ацетон, во-вторых, справа от моей АЗС — туберкулезный диспансер, слева — морг, единственная структура в государстве, которая напрямую подчиняется Господу Богу, а на задворках — развалины подстанции высокого напряжения: на ее косой, будто пьяной двери, улыбался симпатяга-череп с красной молнией в зубах. Таким был наш всероссийский Дом отдыха бомжей «Город Солнца имени Томмазо Кампанеллы». Это имя дал сей воронежской агрегации бездомных скитальцев олигарх местного разлива Илюша Рыбкин, миллиардер чуть ли не мальчишеского возраста с лицом осетрового малька. Он регулярно каждую пятницу приезжал на АЗС

по ночам напиться вдрызг и палить из роскошного «Магнума-44» по черепу на дверях.

2

Моя жизнь на АЗС началась с самой длинной смены, что длится с шести вечера до восьми утра. Однако для новичка у нее есть одно существенное преимущество перед короткой дневной: после десяти часов вечера поток машин заметно спадает, а с часа ночи и до утра заправка практически пустует.

Первый человек, с которым я познакомился на заправке, была Луиза — уборщица лет сорока, стройная, высокая и почти красивая, если бы не вздернутый вверх по-утиному плоский кончик носа на вполне милом, дымчато-смуглом личике. Как позже выяснилось — загар тут был ни при чем. Мать Луизы русская, а вот отец — этнический грузинский мегрел. Отсюда ее удивительные волосы — словно металлически-плотные, литые. Ко всему ярко, дерзко черные. Вкупе с ртутно-серыми, почти белесыми глазами и русалочьи-бледным лицом, они придавали ей какое-то болезненно-ведьмовское выражение. И хотя каждая черта ее лица в отдельности была приятной, даже милой, но складываясь воедино, они странным образом производили впечатление отчаянного внутреннего перенапряжения. Возможно, этому способствовали две ранние грубые морщины, резко отходившие от носа на скулы.

Я открыл дверь — мы с ней едва не столкнулись. Она практически не видела дорогу впереди себя: Луиза натруженно несла в обнимку черный пакет с мусором. Был он какой-то странный — в рост человека. Потом меня просветили, что эта тара называется патологоанатомическим мешком. Она применяется в соседнем морге для перевозки трупов. После одноразового использования эти мешки попадают по обоюдной договоренности на бензоколонку под мусор.

— Вы к нам устраиваться на работу? — аккуратно спросила Луиза.

— Если все сложится нормально, то да... — был мой уклончивый ответ.

— Как хорошо! — вдохновенно обрадовалась она, показав мне все свои красивые ядреные зубы, слегка задетые табачным и кофейным налетом. — Наконец настоящий интеллигент будет с нами работать!

Мне ничего не оставалось, как реально смутиться.

— С какой стати вы составили обо мне такое лестное мнение?

— По тому, как дверь открыли. По тому, как вокруг посмотрели. Из вас интеллигентность просто прет. А голос какой! Обалдеть. Кстати, вы любите читать философские произведения?! — вдруг порывисто проговорила она и, не дожидаясь моего ответа, сокровенно призналась: — Я очень люблю Канта, Ницше, Ильина и этого, как его, Гегеля. А вот Монтеня не читала, но очень хочу! Его «Опыты». Только никак не могу их найти. А в библиотеку записываться нежелательно. Возраст не тот. Не студенческий. Да и люблю читать только лежа, с кофе, чтобы настольная лампа горела. У вас, случайно, что-нибудь Монтеня есть?

— Случайно есть. Именно ваши «Опыты». Если примут на работу — завтра принесу.

— Ой, как жаль! Завтра я выходная...

— Полежат...

— А я тут рядом живу! Забегу. Дома все равно одной скучно.

— Луиза, не пыли... — с ленцой усмехнулся сквозь густые грязно-серые усы некто вальяжно-полный в фирменном зимнем комбинезоне автозаправщика и валенках-раструбах. Почти космонавт в скафандре перед выходом с МКС в открытый Космос. Через полчаса он станет моим наставником и напарником.

— Что, Андрюша?! — дернулась Луиза, вытянув красивую шейку.

— Раз человек пришел сюда вместе с нами за гроши травиться парами бензина, выходит, он такой же жлоб, как я и ты. Как все мы тут... — Он медленно подал мне маленькую, аккуратную руку. — Здорово, интеллигенция. Андрей Арнольдович Медведев.

Я не успел ответно назваться (Афанасьев, мол, Сергей Владимирович) как Луиза виновато и чрезмерно оглушительно вскрикнула:

— Наш Андрюша, между прочим, кандидат наук! Папа у него — академик! Они беженцы из Казахстана!

В это время из своего кабинета с солдатской алюминиевой миской уже почти «умятого» кроваво-красного борща, щедро заправленного по особому рецепту толченым старым салом-«желтяком» с чесноком, бдительно вышел управляющий АЗС, отставной гвардии майор Коржаков:

— Луиза! Не ори, дура.

Он взгляделся в меня, наклонив голову:

— Вы — Афанасьев?

— Так точно, — по-солдатски ответил я, услышав командирские интонации бывшего кадрового офицера.

— Сейчас мне звонил наш генеральный. Вопрос по вам решен положительно. На самом высшем уровне. Будем оформляться? Стоп. Запойно не пьете?

— Пока нет, — не нашел я сказать ничего лучшего.

— Отлично! — облегченно вздохнул Коржаков.

Когда я отправился в бытовку переодеваться, кандидат биологических наук, потянувшись, как тюлень на лежке, откровенно высказался мне вслед:

— С нами шеф на «ты» да матом, а перед этим что-то задержался... Форму ему новенькую выдал, с иголочки. Видела?

Он высморкался и было хотел лениво погладить уборщицу по красивой, курносой выпуклости внизу спины.

— Не смей! — строго, но как бы даже несколько виновато сказала Луиза.

— А ты не вешайся на него с разбегу... — вяло поморщился Медведев. — Ему уже скоро доложат, что твоя мать была известной на весь район шлюхой, что ты пошла по ее стопам, пила до одури, а недавно как умом тронулась: Монтеня теперь тебе подавай. Ницше она у нас читает на ночь с французской настольной лампой! Хоть название книги помнишь?

— Да, Андрюша, — тихо сказала Луиза. — Но произносить мне его боязно. Я все-таки крещеная... «Смерть богов»...

— Круто. Ладно, пойдем, что ли, перепихнемся? У меня двадцатиминутный перерыв. Водочки налью.

— Ты же знаешь, что я давно не пью... От одного слова «водка» меня мутит... А насчет того самого — даже не мечтай... — судорожно поморщилась Луиза и натруженно поволокла дальше переполненный мусором трупный мешок.

Мой первый трудовой день оказался во всех отношениях особенным. Во-первых, Крещение Господне, во-вторых, — на дворе минус 29. В-третьих, я познакомился с уборщицей, мечтающей прочитать «Опыты» Монтеня, а моим напарником стал кандидат биологических наук, который в советской Алма-Ате до бегства в Россию специализировался на изучении белого пустынного саксаула, а его ныне покойный отец-академик — черного. Не знаю, насколько они продвинулись в своих научно-биологических изысканиях, но по жизни, как позже выяснилось, Андрей Арнольдович не мог отличить даже галку от вороны. Как бы там ни было, но после налаженной, перспективной жизни в Алма-Ате, он в Воронеже так и не поднялся выше автозаправщика. Еще и прирабатывал на полставки садовником в морге, чтобы жена из дома не выгнала. Там в его задачу входило поливать и подстригать декоративные розы, которые огненно-алю окантовывали смертные пути-дорожки в этом особом заведении. В общем, наши девушки-операторы никогда не уходили с работы без нежного букета. Иногда, по случаю, не брезговал розами из морга и сам Коржаков. Но, беря их, мудро морщился: «Смертушкой, кажется, не пахнут. Лады, сойдут».

Январская смена на АЗС — такое не забывается. Напористая, наглая метель. Снежные галактики вихрем носятся вокруг нас. Мороз высокого напряжения — ты физически чувствуешь, как внутри тебя в каждом сосуде и костях медленно, но неотвратно идет процесс кристаллизации всех форм жидкости. Плюс жесткая, верткая поземка как бы демонстрирует в бытовой реальности квантовый эффект сверхтекучести. Она с легкостью безматериальной сущности проникает везде и всюду. Наши куртки, валенки, железная бытовка, в которой на глазах растут свежие затулины, не обращая никакого внимания на жалкие попытки европейского калорифера перемочь нашу зимушку.

Мы с Андреем Арнольдовичем усердно работаем лопатами, ожидая из растанцевавшегося буранного кавардака очередной самодвижущийся сугроб. В короткие минуты передышки Медведев глухо, невнятно, точно борясь с желанием впасть в спячку, объясняет мне секреты заправочного пистолета, особенности капризов крышек бензобака и приметы хамоватых водил. Людей этой породы, лениво учит он меня, особенно раздражает, если бензин при заправке попадет на роскошную гладь их автомобилей.

Однако самыми-самыми принципами, которые мне предстояло усвоить в работе как «Отче наш», было так называемое «Фирменное приветствие и напутствие клиенту». Его текст разрабатывали на самом верху совместно с какими-то выдающимися столичными психологами, и отступление от него хотя бы в одном слове или его безрадостное произнесение наказывалось большим штрафом. Для контроля над нашей исполнительностью, кругом стояли камеры и записывающие устройства.

Вот содержание этой священной мантры в исполнении знатока белого саксаула:

— Когда водитель выходит из машины, ты обязан громко, радостно произнести: «Здравствуйте! Благодарим Вас за выбор нашей компании! Мы рады Вам! Вы какой бензин желаете? Номер колонки такой-то!» А он начнет отъезжать, его следует душевно напутствовать: «Счастливого пути! Приезжайте к нам еще!» Если водила шустрый и умчался раньше, чем ты рот успел раззявить, эти слова полагается не менее вдохновенно озвучить ему вслед для контрольной записи, якобы потом поступающей на прослушку в соответствующую службу центрального офиса.

В эту долгую ночь, после которой моя кровь приобрела все полезные свойства талой воды, Андрюша научил меня многому. Как-никак у него был солидный академический опыт преподавания в высшей школе. Копилку моих знаний, во-первых, пополнили сведения о расположении видеокамер, чтобы я, к примеру, имел возможность безнаказанно покурить или пронести ведро с левым бензином для полуночных нариков (уже полтешок к зарплате). Во-вторых, так как спать ночью нам возбранялось, а чаевничать — нет, я получил практический совет, как дремать за столом, обманно поставив перед собой бокал с чаем.

В третьем часу ночи из метели возникла Луиза. В первое мгновение мне показалось, что она не одна. Такой эффект создал взвихренный снег, который словно сделал с нее слепок и озорно заставил его танцевать по насту в зыбком человеческом облике. В ее явлении было нечто магическое и очаровательное — Луиза вдохновенно улыбалась, как человек, которому открылся, наконец, смысл жизни.

— Ребята, я принесла вам горячие пирожки и свой фирменный кофе!

Мой наставник лениво вздохнул:

— До сих пор такое адресное милосердие за тобой не водилось.

Прокряхтев еще что-то невнятное, он ушел спать, даже не заглянув в сумку Луизы. Ушел вразвалочку, неторопливо, с головы до ног исполненный особого академического достоинства.

Даже на морозе пирожки Луизы трогательно пахли рукотворной домашней снедью, словно олицетворяя утраченный мной семейный уют. Я внимательно всмотрелся в ее лицо. И сейчас оно вдруг показалось мне достаточно нежным.

— С чем пирожки, Красная Шапочка?

— С ливером.

— Честное слово, это самые мои любимые.

— А я могу тебе понравиться?.. — тихо, точно от самой себя таясь, проговорила Луиза.

— Жизнь сложнее всяких схем... — улыбнулся я. Достаточно невесело и даже несколько туповато.

— Пирожки наворачивай, остынут! — прощаясь, грустно наказала Луиза.

И вдруг резко остановилась на грани исчезновения в искривленном пространстве метели. Точно какая-то боль внезапно тормознула ее:

— А вообще я во всем за справедливость! Чтобы никто никого не унижал. Но нас сделали бессловесными рабами. Ладно, про Монтеня не забудь!

Вместо полагающихся двух часов сна, мой строгий наставник мстительно проспал до утра. Мне это не понравилось, но вида я не подал.

4

Моя следующая ночная смена началась романтично. С поцелуя Луизы — я не забыл «Опыты» Монтеня. И хотя меня поцеловали в щеку, но достаточно плотно и... почти возле губ. Не знаю, что мне помешало, но был миг, когда я вдруг почувствовал лукавое желание чуть-чуть повернуть лицо и вдохновенно перевести благодарственный поцелуй Луизы в более серьезную плоскость. Хотя его даже в этом виде нельзя было однозначно рассматривать лишь как выражение признательности с ее стороны. Скорее всего, Луиза как бы попыталась через свой поцелуй типа «чмоки-чмоки» понять в себе что-то новое, серьезное и, возможно, уже смутно тревожащее ее. Не знаю зачем, только потом она еще приложила к губам глянцевую обложку «Опытов», насыщенную бытовыми премудростями Мишеля Экем де Монтеня пятисотлетней давности. О нем принято писать как о человеке, книги которого «ярко отразили гуманистические идеалы и вольнолюбивые идеи передовой культуры французского Возрождения». Только что мог он сказать живущей в доме под снос возле морга и туберкулезного диспансера уборщице окраинной бензоколонки эпохи черт знает как далекого от него долбаного XXI века? И все же, все же... Быть сему. Их долгожданная встреча наконец состоялась.

«Всякий, кто долго мучается, виноват в этом сам», — возможно именно с этой фразы Луизе стоило начать знакомство с господином Монтенем.

В полутьме заледеневшей бытовки на домашнем коврике, некогда меховом, а нынче откровенно лысом, не спеша переодевался наш бригадир Володька. При деловом контакте — Бугор, за глаза — Клоун. Он еще когда-то давно выступал в местном цирке, только был акробатом. Пока его не заворожил богемный алкоголизм. Из «культуры» он был вычеркнут после того, как побил директора цирка, отказавшегося оплатить Володьке выступление в пьяном виде. Очевидцы утверждали, что оно было лучшим, самым радостно-рисковым в репертуаре Клоуна. Он в том номере ярко превзошел себя. Такого динамичного владения телом и таких изысканных, смелых сальто, перекатов и пируэтов под куполом этого цирка не видели отродясь. Говорят, директор, сам бывший акробат, второразрядный эквилибрист с першами, попросту жердями, несносно позавидовал сумасшедшим аплодисментам в адрес своего хмельного коллеги.

Ныне Бугор-Клоун — здешняя легенда. Все его любят. Работа в руках у Володьки горит. Устроившись на АЗС, он первым делом выбросил из вагончика гнилую мебель, принес коврики, плакаты повесил с Михайловым и Аллегровой, чашки сервизные позолоченные выставил, пусть и со сколами, постелил красивую клеенку с древнеегипетским орнаментом. Еще до цирка работал он на Байконуре электриком, потом на вышке в Тюмени. Оттуда большие бабки пересылал сестре в Воронеж... У Володи золотые зубы, печатка золотая. Одет по моде городского фраера шестидесятых прошлого века. Озорной, самолюбивый человек, но как все мы тут — прибитый жизнью. Все его нефтяные деньги сестрица профуговала на мужиков из породы «погань захребетная». Других ее тело не заводило. Теперь уже лет пятнадцать брат и сестра не общаются. Вот такой он, Клоун.

Никому не ведома истинная природа русского прозвища. Порой оно блистает, порой настораживает, а то и некий высший приговор своему носителю выносит. В любом случае всякое прозвание поучительней, по сути реальной, нежели имя, которое навскидку сочиняют родители младенцу. Бывает, что иной человек за всю свою богатую, многоступенчатую жизнь в зависимости от направления ее извилистого русла да силы течения этих прозвищ несколько поменяет. С первых дней на АЗС мой нынешний наставник, как проговорился про селекцию и генетику белого саксаула, так и стал Ботаником. Как ни отбрыкивался, как физиономию ни кривил. А несколько позже его еще и в Садовники возвели — так аукнулись Андриюше розы областного морга. В нищие 90-е ему было присвоено звание Самогонщика: загибаясь от бедности после бегства из Казахстана, он худо-бедно выжил на сбыте собственного рецепта славной самогонки. Потом же он еще и Кролик, ибо одно время разводил это зверье усердно, но безуспешно. Передохли как один. Так что его жена осталась без обещанной кроличьей шубы, и после

этого они начали спать в разных комнатах. Ко всему водилось за ним еще одно, не совсем забытое погоняло — Окорочок. Было, да, коптил, сбывал по магазинам, соседям, пока напарник его не надул и не оставил без гроша.

Переодевшись, Бугор разрешил себе вдохновенно выпить на дорожку. Откашлялся, нежно взял «гранчак». Увидев меня, дерзко улыбнулся: его редкие зубы породисто, самостийно замерцали золотым напылением.

— Ты мешаешь мне переодеваться... — изысканно-нагло проговорил Клоун. — Выйдешь сам или мне тебя выставить голяком на мороз?

Еще в годы оные на шинном заводе, в эпоху развитого социализма, я впервые ощутил на себе такое истинно-пролетарское чувство, как «классовая ненависть». Меня тогда из здешней многотиражной газеты привела в сборочный цех необходимость зарабатывать на хлеб с маслом для беременной Марины. А добиться этого, не выезжая из Воронежа на лесоповал в Сибирь или Дальневосточную путину, можно было лишь здесь. Большие деньги, офигенные рублей 500-800, в те брежневские годы получали у нас только исчерневшие от сажи сборщики шинного завода. Мне едва удалось, через партком, протиснуться в плотно сплоченные ряды пролетариата — тогда человеку, получившему высшее образование, обратного пути к станку или сохе не было.

Однако я скоро заметил, что в бригаде меня, мягко говоря, обходят стороной. Я везде напряженно чувствовал себя чужаком. Хотя в первый же день, как полагалось, накрыл народу «поляну». В темных от сажи кустах, на пустыре неподалеку от завода, моей бригаде были щедро выставлены с последних денег коньяк «Плиска» болгарский, тонкогорлая водка «Столичная», колбаса «Краковская» душистая с отменным жирком, сочный окорок «Воронежский» и салат «Оливье» от Марины, с ее секретным добавлением в общий рецепт жареных грибов и популярной в те годы сельди «иваси». Может быть, я с коньяком перегнул? Его тогда в магазинах отродясь не было. Да и пили коньяк ребята неохотно, усмехаясь. Когда их повело, первым (правда, и последним) обозначил свое настоящее отношение ко мне сборщик по прозвищу... Волчара — невысокий, скуластый крепыш, с волосами агрессивно-рыжего цвета.

Я попросил у него прикурить.

— Жалко мне тебя, фраерок! — туго улыбнулся Волчара на блатарский манер. — Учился, учился, да к нам и скатился... Мамка таланта не дала?

Сборщики активно безмолвствовали.

Я рос не в инкубаторе. О какой-то там аффилиации ведать не ведал. Самодостаточности во мне было с избытком. В общем, я уложил Волчару

подсечкой на пол и безжалостно выполнил удушающий захват. Правда, вполсилы. Тем не менее, он серьезно испугался, увидев на мгновение над собой вместо закопченного сажей неба ярко-серебристую бесконечность, огненный блеск которой обычно предшествует обмороку.

— Самбо?.. — с уважением прохрипел Волчара, как бы спасая свое *репортее*.

— Боевое... — уточнил я.

— Я заценил... — усмехнулся он.

Мы как ни в чем не бывало продолжили обмывать мое вступление в ряды передового рабочего класса. Кстати, оно произошло на фоне вчерашнего ввода в Афганистан ограниченного контингента наших войск. Тогда это еще не было событием. По крайней мере, ни патриотических, ни диссидентских тостов по этому поводу не прозвучало. Не вызрели они еще в народе.

Теперь передо мной через долгие десятилетия вновь стоял некий вариант Волчары, только теперь постперестроечной эпохи. И звали его соответственно новому времени — Клоун.

Я дерзко взял у него из рук стакан, полный по славный Марусин поясок: выпил на раз. Объяснился, зычно выдохнув:

— Чтобы не замерзнуть на морозе голышом.

Клоун засмеялся и подал мне руку. Больше проблем у нас с ним не было.

Лишь специалиста по генетике и селекции саксаула как загвоздило в отношении меня. Он подвижнически открыл в себе талант назойливого наставника. В армии Андрюша не служил по причине плоскостопия и чудовищной близорукости, но это не помешало вдохновенной мутации его генотипа, в результате которой он мужественно почувствовал себя старослужащим на фоне моего первичного положения новобранца.

Вот лучшие образцы его общения со мной, которые вполне могут претендовать на достойное включение в катехизис российского автозаправщика:

«Крышку бензобака не клади на автомобиль. Поцарапаешь — водилы морду набьют. Слушай бензин в баке! Как заклоочет — отсекай. Обольешь машину — голову оторвут. Будешь часто делать возврат — девки-операторы тебя возненавидят. На смене сидеть нельзя — из-за тебя всех оштрафуют!»

— А на коленях стоять можно? — поморщился я, но ответа не получил.

Зато сменщикам он в первый же день дал на меня такую производственную характеристику: «Этот у нас не задержится. Нет в нем рабочей косточки. И чем он только Луизе глянулся?» Само собой, я передал его слова в старательной цензурной обработке, согласно запрета Госдумы на использование мата в искусстве. Только где оно, искусство? Ныне фиговым листком прикрыты его далеко не выдающиеся причиндалы...

5

Действительно, непростых тонкостей в моей новой работе оказалось предостаточно. Это лишь со стороны все просто. Самые неподходящие для заправки те машины, у которых так хитро изогнута горловина, чтобы воспрепятствовать несанкционированному отсосу бензина, что пистолет захлебывается и прекращает работу — это Бехи, Мерины, Некси, Фиаты, Волги и Нивы, особенно Нивы Шевроле. Тут надо изловчиться... Пистолет вставлять чуть-чуть, фиксатор из трех положений аккуратно переводить на первое — то есть на самую медленную подачу топлива. Но самое досадное — не услышать отстрел захлебнувшегося бензином пистолета. Если его тотчас не перезапустить, через 15 секунд колонка перестанет подавать топливо, а недолитое пойдет в «возврат», за который девчата-операторы потом пишут подробные объяснительные, мысленно и даже вслух поминая нас такими матерными словами, какие не всякий мужик осилит. Или вот пристроился к нам ездить заправляться пацан на крутой американской тачке Mercedes SLS AMG, которая классно отличалась от других авто тем, что ее двери откидывались вверх, — тогда она при своем черно-белом окрасе напоминала королевского пингвина, который отчаянно пытается взлетать. Так вот, у этой крылатой машины горловина бака была такая узкая, что наш отечественный пистолет в нее никоим образом не входил. Честное слово, один я научился так прижимать ствол, что заправлял этот Mercedes SLS AMG без веера брызг и лужи бензина под колесами. Поэтому ее водитель всегда ждал очередь ко мне.

При всем при том дня через три я вроде как освоился. И даже начал, несмотря на наличие записывающих устройств, щеголять подобием остроумия. Скажем, одну гламурную даму на внедорожнике я встретил такими далеко не фирменными словами: «Вам какой бензин? С ароматом французских духов или с феромонами?» В итоге почти все «автомобильные» женщины стали заправляться только у меня. Одна из них так даже показалась мне «вполне ничего». Гибкие руки а-ля Плисецкая, трепетный шаг и элегантно любопытный, мерцающий бледно-синий взгляд.

Однажды Луиза перехватила его на мне:

— Не пялься, вдовец-молодец... Это — Шалавдия. Суперная девушка с выездом. У нас здесь целый квартал армянских миллионеров. Их она и обслуживает.

В качестве сатисфакции за испорченное мне настроение Луиза щедро приготовила кофе. Обычная арабика да еще немного корицы, гвоздики, ванильки. И пить с горьким шоколадом. Атас называется.

Так как мне следовало ежеминутно отслеживать ситуацию на бензоколонке, мы пили замечательный кофе неподалеку от заправочных колонок на свежем воздухе у обледеневшего мусорного бака, напоминавшего огарок огромной свечи с потеками желтоватого парафина. Тем не менее, его крышка отлично служила нам устойчивым просторным столиком, а щель в ней — бездонной пепельницей.

Мы пили эспрессо аккуратными глотками, собственно говоря, посасывали, чтобы дольше сохранялось послевкусие и всякие прочие приятные ощущения.

Именно здесь Луиза и сделала мне взволнованно неожиданное предложение:

— Давай про Монтеня что-нибудь поговорим? Я его книгу уже дочитываю.

— Что ему Гекуба, что он Гекубе?.. — скучно сказал я.

— Не принимай меня за дуру... — без всякого намека на обиду наставительно проговорила Луиза. — Между прочим, по трудовой книжке я никакая не уборщица, а старший менеджер АЗС по клинингу и эстетике. И хочу тебе сказать, что Монтенем я зачитываюсь. Как будто про мою жизнь он пишет, а жил черт знает когда.

— Он самый обыкновенный брюзжащий моралист, — попытался я отмахнуться от неуместно умного разговора на фоне Андрея Арнольдовича, вальяжно, на слегка заплетаящихся ногах собиравшего по территории разнокалиберные окурки. При этом он себе под нос, но достаточно громко крыл, на чем свет стоит, нашего Клоуна: оказывается, тот, вынося вчерашней ночью мусор в трупном мешке, в темноте налетел на выставленную возле баков кем-то из армянских миллионеров новую стиральную машину. Как видно, та была куплена без должного совета с бабушкой. Но не только в этом обретении нашему бригадиру свезло. Три дня назад Клоун там же счастливо разжился японской сборки микроволновкой в упаковке. Сегодня, сдавая нам смену, он продемонстрировал всем новую молодежную норковую кепку с кожаным козырьком того же самого «мусорного» происхождения. Так что наш Ботаник сейчас в связи с этим с досады сердито прикладывался к улучшающей качество жизни чекушке. Само собой, в «мертвых» для видеокамер зонах. А чтобы отбить запах, заедал водку растворимым кофе из

пакетика. Мне уже шепнули, что кандидата биологических наук трижды выгоняли за пьянство, но каждый раз через два-три дня звали обратно: работать он умел один за всех.

Луиза вдруг взяла меня под руку и samozабвенно процитировала Монтеня:

— Мы никогда не бываем у себя дома, мы всегда пребываем где-то вовне. Опасения, желания, надежды влекут к будущему; они лишают нас способности воспринимать и понимать то, что есть, поглощая нас тем, что будет хотя бы даже тогда, когда нас самих больше не будет.

— Откуда у тебя такой интерес к заоблачным материям? Может быть, ты инопланетянка?

— Скорее, сумасшедшая. Но точно знаю лишь одно — я была здешней шлюхой... В глазах некоторых... Кому этого очень хотелось... — Луиза зверски напрягла скулы. — Конечно, рангом пониже твоей прекрасной Шалавдии. Пила по-черному... Но однажды попалась любопытная книжка — «Афоризмы жителей Древнего Двуречья». И знаешь где? На мусорке! Кто-то как специально для меня ее подбросил. Клоуну вот стиральная машина досталась, а мне тогда изречения мудрецов Месопотамии. Уже двадцать тысяч лет назад они рассуждали вполне современно: только боги живут вечно под солнцем, но дни человека сочтены, все дела его лишь ветер; поднимись на руины и пройди по ним, посмотри на черепа простых и великих; какие из них принадлежали святым, а какие грешникам? Или вот еще откровение, хорошо нам всем известное: кто роет другому яму, сам в нее попадет; будь справедлив к своему врагу, делай добро, будь добр во все твои дни... А вот что говорили месопотамские мудрецы о нас с тобой: «Лучше с мудрым человеком носить камни, чем с глупым вино пить». Вот так, хороший мой...

— Ты сплошная загадка, Луиза.

— А ты не бойся. И вообще я давно живу чище девственницы. О ребенке подумываю. Но от кого? Измельчали мужики. Меня сейчас даже слово «водка» нервирует. Только от сигарет никак не отстану. В меня кофе без никотина не лезет. Кстати, беда! Последнюю докуриваю! А наш магазин закрыли на ревизию.

— Вовремя я тебе твой любимый «Винстон» принес... — вздохнул мужчина лет пятидесяти.

Он только что усиленно ковылял с тросточкой в нашу сторону.

— Спасибо, Петя! — отрешенно вздохнула Луиза. — Соскучился по мне? Поговорить пришел?

— Вроде того...

— Но о чем, мой ангел-хранитель? Монтеня, которого я тебе дала, читал?

— Уже немного осилил... — застенчиво поморщился Петя. — Только все у него как из пальца высосано. Не знал твой Монтень реальной жизни.

Я этого Петю на АЗС уже не раз видел. Идет всегда медленно, подволакивая ногу. И каждый раз у него для Луизы какой-нибудь особый презент.

— Благодарствуй, Петя, за правду-матку. А только теперь ступай... — напряглась Луиза. — Не до тебя мне сейчас.

— Понял, извини... — душевно отозвался он и захромал к нашему магазину.

— На учете! — строго остановила его Луиза.

Петя обреченно замер.

— Не горюй... Чекушку я тебе взяла. Успела... — сострадательно объявила Луиза.

Прежде чем я ушел заправлять очередной самодвижущийся сугроб, она уважительно объяснила мне, что Петя — бывший военный летчик, контужен в Афгане; недавно его едва успели достать из петли — после того как он к ней снова в мужья просился, а она и на этот раз отказала. Да еще завелась, всю дурь свою ему с бешенством показала. Хотя, если рассудить, у Пети хороший характер, свой дом, черная «Волжанка», правда, ржавая и не на ходу, большая пенсия. Вовсе не глуп. Внешне нормальный, только одна нога после катастрофы над Кандагаром неправильно срослась.

— Так чего тормозишь? Сук под собой рубишь... — сдержанно сказал я.

— Тебя ждала! — дерзко объявила Луиза. — Предчувствовала, что с таким, как ты, встречусь... Шучу-шучу! Так что насчет Монтеня, пообщаемся? Стоп! Беги! Наш олигарх едет!

На заправку грузно вкатилась стальная туша Nummer'а с гирляндой воинственно пылавших прожекторных фар на крыше.

— Эй, дед, полный бак... — хрипло распорядился щупленький остроносый хозяин машины, вывалившись в метель в просторных шортах и белой майке с надписью «Клинт Иствуд». Он чем-то действительно напоминал осетрового малька: эдакий ершистый сиплый ребенок. Это был тот самый Рыбкин.

Вот когда назойливое наставничество Андрея Арнольдовича пошло мне впрок. В сложных погодных условиях я блестяще выполнил полученное распоряжение: не только не дал захлебнуться пистолету, убойной струей вогнавшему 100 литров в бензобак Hummer'a, но при этом еще не уронил ни капли на лакированную «броню» джипа.

— А где Клоун? — Рыбкин юношески прищурился от снежных оплеух, приоткрыв искристые бриллиантовые стразы на зубах. — Хочу выпить конкретно с ним.

— Бугор будет завтра, — сказал я без всякого пиетета, почти нагло.

Кажется, я начинал здесь осваиваться. Не слишком ли быстро?

Моему клиенту потребовалась минута, чтобы усвоить информацию.

— Тогда ты скажи: нравится тебе моя новая тачка?

Я честно выдал:

— Легендарная машина.

Он взволнованно обнял меня, едва достав головой до груди. Хорошо, что до слез не дошло.

— Молодец... В жилу сказал! Растрогал меня. Вот, возьми. Устрой себе праздник.

Он подал мне зажатую в кулак пятитысячную.

Я хладнокровно убрал руки за спину.

— Пролетарская гордость заговорила?! — детски-радостно хохотнул тот и в полном смысле этого слова бросил деньги на ветер.

Нарочно не придумаешь: бесшабашная метель как банный лист к голой заднице прилепила вспорхнувшую пятитысячную к левой щеке многострадального Андрея Арнольдовича. Я поздравил его дружеским поклоном. На эти деньги он и девочки-операторы всю ночь пили достойный напиток из нашего магазинчика — Хеннеси ВС: спасибо вселенской метели, которая отменила проверяющих всех уровней и мастей.

К ночи джип вернулся. Так происходило каждый раз, когда его хозяин надевал с вечера в пятницу свою майку «Клинт Иствуд». Кстати, как всегда поверх вэдвэшного тельника.

Метель услужливо иссякла. Старательно зализанные ею снега лежали торжественно-успокоенно, стомленно. На юге со стороны морга великолепно сиял в обрамлении звезд царственный Сатурн, словно монарх в окружении своей свиты.

Хозяин Hummer'а почти трезво пожал мне руку и вручил переливающуюся алмазными искрами визитку: «Генеральный директор строительного холдинга «Пирамида Хеопса», академик Петровской академии наук и искусства, чемпион Воронежа по кикбоксингу в наилегчайшем весе Илья Рыбкин». С ним прибыли еще два человечка, всем своим видом назойливо показывающие, что они с шефом одной крови — как говорится, «птенцы гнезда Петрова». Только вот глазки их сияли лакейски-восторженно, а пили и ели они так хватко, емко, точно про запас, ибо привыкли, что даже в самый разворот праздника, на пике радостного внеклассового братания их могут запросто турнуть от барского стола. Его роль, кстати, взяла на себя крышка того же бака, на которой мы с Луизой пили ее замечательный кофе, а над нами витала унылая тень Мишеля Монтеня, нашептывая свою известную мысль, что высшее благо состоит в спокойствии души и тела.

Наконец, наступил пик праздника. Кавалькада гостей по-пластунски вскарабкалась на блестящий ледяной холм на задворках АЗС. Дерзко зазвенели бокалы. Опустевшие бутылки французского шампанского «Мадам Клико», тяжело прочертив кривую падения, глухо воткнулись в снег. Предчувствуя, что будет дальше, ночная, по-зимнему смерзшаяся тишина как сморщилась. И тут ударила орудийная канонада. Это Рыбкин «для расслабления души» выстрелил по черепу с молнией на пьяных дверях «Города Солнца» из своего длинноствольного Smith & Wesson калибра 44 Magnum. Не стану объяснять, почему снаряды не поразили цель — ни первый, ни все последующие.

— Пальнешь?.. — олигарх Илюша приятельски протянул мне внушительный культовый револьвер. Король в своем жанре. Мы, наверное, были ровесники с этим монстром. Оба с 1955-го? Мой былой ангольский опыт свидетельствовал, что трудно найти еще другое оружие с такой точностью для пистолетных дистанций. Даже Парабеллум отдыхает. Куда направил Магнум — туда и попал.

Необходимости целиться не было — мишень, считай, под носом. Через несколько секунд череп перестанет существовать. Как и дверь, на которой он до сих пор висел.

Я опустил легендарное оружие. Что-что, но уже только держать его в руках — настоящий парад для души. В общем, счастливая минута. Я тоже чувствовал себя почти Клинтом Иствудом. Не больше, но и не меньше.

— Мы ждем твой выстрел... — поморщился Илюша.

— Там же люди...

— Ох, уж эта российская провинциальная интеллигенция... — опечалился мальчик-олигарх. — Без вас наша страна давно бы процветала! А ведь я уже хотел предложить тебе должность тайного ревизора на моих стройках... Чем-то ты меня пронял. Ладно, проехали.

Кажется, я испортил праздник.

Рыбкин сочувственно обнял меня и по-борцовски вразвалочку отправился спать до утра в китовом чреве своего Hummer'a. Так у него было заведено.

Машинам, которые не заправляются, находиться на территории АЗС категорически запрещено. Однако это авто управляющий, придя утром на службу, словно не заметил.

Лакейскую свиту уже развезли по домам таксисты, которые следовали за Hummer'ом как рыбы-прилипалы за акулой, — возле него всегда можно было поживиться щедрым заказом.

7

Оптимистично-светлым, озаренно-сияющим и нежно-морозным утром Илюша тяжело выбрался из Hummer'a, как космонавт из спускаемого аппарата после двух лет на околоземной орбите. При этом выражение его лица было таким, словно он сейчас испытывал на себе давление центрифуги, разогнавшейся до десятикратного увеличения силы земного притяжения.

Заговорил он обидчиво и спутанно. Со слов Илюши я не сразу, но понял, что этой ночью какой-то самоубийца слямзил его смартфон. При этом лопатник, нафаршированный двухсотенными евробумажками, почему-то не тронул, хотя тот лежал на торпеде Hummer'a на самом видном месте.

Даже фужер шампанского со ста граммами водки, по субботней утренней традиции ласково, благоговейно поднесенный ему нашими девочками, не улучшил настроение Илюши.

— Ты ничего не заметил? Ты же всю ночь не спал? — глухо, мутно сказал он мне.

— Я все время стоял с другой стороны. Там слабей дует, — таким был мой бесхитростный ответ.

— Никаких чужих следов возле твоей машины вроде не видно... — строго резюмировал мой наставник Андрей Арнольдович: в этот момент в его еще не совсем проснувшемся голосе вдруг ощутимо прорезались веские интонации преподавателя с ученой степенью и профессорской перспективой, пусть даже теперь практически утраченной.

— В кабине поищи еще раз, — тревожно сказал наш Анатолий Николаевич, словно ему в случае неудачи поисков грозило ни много ни мало разжалование из управляющих в старшие менеджеры по клинингу и эстетике.

— Скорее всего, бомжи ваши сработали... — похмельно поморщился Илюша.

Только враг рода человеческого мог не посочувствовать страдальцу в эту минуту.

— Передайте им: если сегодня не вернут, всем — кранты. Ночью дотла спалю их «Город Солнца». Пора каленым железом очищать от этой мрази нашу любимую Родину.

Он строго обернулся ко мне:

— Приготовь к полночи два ведра бензина!.. Чтобы мои пацаны не суетились. Пожалуйста.

Я вздохнул, достал визитку Рыбкина и со вздохом набрал на своем мобильнике эпохи динозавров номер его великолепного LG G3 смартфона. Наизусть эти магические цифры я не помнил. Да и незачем было...

Со стороны мальчика-олигарха в благодатном утреннем пространстве, молочно-пахнущем свежим снегом, раздался роскошный баритон покойного Михаила Круга: «В Лазурном шум и песни, и там братва гуляет, и не мешают мусора...»

Илья усмехнулся, достал из кармана так банально обнаруженный заветный смартфон и мальчишески зашвырнул его в бесконечность молодых крылатых сугробов.

— К ночи два ведра бензина все равно за тобой... — бдительно сощурился он в мою сторону. — Эти твари у меня кровью умоются! Правильные пацаны в

Украине, в той же Сирии гибнут, а они здесь санаторий себе устроили!
Ничего, будет им эта... как ее... ночь...

— Варфоломеевская, — вздохнул я.

— Хуже... — добродушно вздохнул он.

Означенное время на АЗС ждали как официально объявленную дату всемирного Апокалипсиса. Управляющий лично проверил состояние огнетушителей и провел дополнительный инструктаж по пользованию ими. Всем раздали дистанционные тревожные кнопки для вызова группы быстрого реагирования. Ни один проверяющий, ни один тайный покупатель, бдительно предупрежденные Коржаковым об огненных планах Рыбкина, ни разу не посетили нашу АЗС. Даже здешние нарики ходили за бензином на другую, дальнюю автозаправку. Лишь клиенты в полутьме соседнего морга продолжали непоколебимо вживаться в вечность на своих алюминиевых лежаках.

В полночь люди Рыбкина, суетясь как мальки, сняли с петель продырявленную пулями дверь бывшей подстанции. Получив приказ выходить, бомжи, однако, не спешили.

— Бензин давай! — крикнул мне Рыбкин, впечатляюще подняв над головой легендарный «Магнум».

— Все колонки опечатаны, — сказал я. — Кто-то стукнул в прокуратуру, будто мы торгуем буторенным бензином.

Мне поверили. В плохое все сразу верят.

И тогда в густую многослойную вонь Дома отдыха имени Томмазо Кампанеллы полетели дымовые шашки. Само собой, не в роли освежителя воздуха. Хлопок за хлопком. Штопором закрученные белесые струи изо всех щелей, как щупальца, зашевелились.

Наконец бомжи оживились в своей конуре. Вроде кто-то даже заплакал. Кажется, ребенок. Как бы там ни было, вылезали они из своего Монрепо не спеша, если не вовсе медленно, враскачку, словно бы с каким-то особым классовым достоинством. Как оказалось, просто не все были ходоки. Так что сильные тащили на себе слабых, кое-кого вовсе несли на одеялах. Кто-то полз на коленях. Видно, не нашел в темноте свои костыли, а света от дымовых шашек немного — пых, и все.

Выходя, все они по очереди настороженно косились на заледеневшие, блескучие звезды, словно именно туда предстояла им сейчас нелегкая дорога.

Так что как бы прикидывали свои силы и возможности. Казалось, еще минута, и они прощально затянут вразнобой ту самую «Варшавянку»...

— Вихри враждебные веют над нами...

Последней, спотыкаясь, вышла молодая пьяненькая женщина с еще не проснувшимся ребенком на руках, наспех замотанным в тряпье.

— Сука... — тихо сказала она нашему славному мальчику-олигарху. — Свое дитя губишь...

— Как это, Ленок?.. — выпятил губы Илья. — Так ты про выкидыш соврала тогда?

— Под твоим дурацким пистолетом и не то скажешь...

— Мальчик, девочка?..

— Крокодил! — гыкнула Ленок.

Илья судорожно, с глухим клетотом рванул напололам майку с Иствудом, рванул свой вэдэвэшный тельник и рухнул на колени в льдистый хрусткий снег. Вовсе не по-мальчишески завыл, задрал к небу свой осетровый носик.

— Назад!!! Всех назад!!!

Его люди немедленно остановили процессию. Бомжей стали загонять в подстанцию. Они, как могли, сопротивлялись: вдруг запрут и подожгут?

Рыбкин с лицом напроказившего мальчугана подошел к сгрудившимся бомжам и у каждого со слезами в голосе просил прощения, некоторых пытался даже поцеловать и совал, совал всем деньги, стянул золотые печатки...

— Берите, все берите, братцы...

В стороне сентиментально плакали наши девчонки-операторы. Даже Коржаков уронил скупую офицерскую слезу. Лишь Андрей Арнольдович усы мял. Но все равно как-то, знаете, трагикомически...

К маю рядом с почти вросшей в землю подстанцией на деньги Рыбкина поднялся двухэтажный коттедж с белоснежной мраморной вывеской, дерзновенно блиставший позолотой букв, — «Город Солнца имени Томмазо Кампанеллы». Люди мальчика-олигарха вежливо переселили в него наших бомжей, предварительно отмыв и переодев их в туберкулезном диспансере.

Однако не в коня корм оказался. В уютных комнатах с чистым бельем, кабельным телевидением, зоной бесплатного «вай-фай» и дармовым сбалансированным питанием его постояльцы впали в ступор. А когда им еще и паспорта выдали, так они их немедленно побросали в урну у парадного крыльца и как растворились в российской безбрежности. Вместе с его некоронованным наследником.

Словно идя им навстречу, весна в этом году взяла тайм-аут. Настоящая летняя температура установилась уже в середине марта.

С теплом начались традиционные ходки моих коллег на раздольные просторы дачного огорода матушки Хозяина нашей бензозаправочной сети — аккуратно худенькой, восьмидесятилетней Анны Ивановны. Всю свою посудомоечную жизнь она безрадостно громыхла столовскими тарелками и гранеными стаканами на ниве советского общепита. Эта безнадега длилась до тех пор, пока ее младшенький от рядового рэкетера лихих 90-х не поднялся до высот провинциального депутатства. Хотите верьте — хотите нет, но на этой благодатной почве он за пару лет из крутого парня эволюционировал в добропорядочного гражданина и патриота.

Какие только названия поначалу не давали бензозаправщики регулярному саду-огороду Анны Ивановны, разбитому на породистых воронежских черноземах: участок, латифундия, ранчо, фазенда, в конце концов — дача. Но прижилось, неведомо с чьей подачи, определение, исторически застолбленное еще известным римским литератором и цензором Катонем Старшим в его новаторском произведении «De agri cultura» — вилла! Пусть и без воспетых им роскошных оливковых рощ и живописных виноградников. В латинском слове «вилла» славянскому уху явно слышится возможность некоего благодатного роздыха. Сама натрудившись в жизни сполна по-черному, Анна Ивановна правильно понимала суть пролетарского человека. В общем, заправщики в очередь записывались к ней на «барщину». Поковыряет иной чуток лопатой землю-матушку на пол штыка, да тут его хлопотливая Анна Ивановна уже и к столу заботливо кличет: а там ждет трудягу миска отменных матово сияющих макарон, притопленных в густоте распустившегося сливочного масла, поверху коронованных сочно набухшими ядреными сардельками. И стакан граненый рядом есть с тем самым по Марусин поясок, чему душа натурального индивидуума всегда бодро радуется.

Меня управляющий АЗС ни разу не записал на «виллу». В чем была причина такой избирательности Коржакова? Он рассказал мне правду через пару месяцев, когда нас всех уволили, а потом вновь восстановили. Она не имела никакого отношения к моей бывшей неземной профессии литератора. Просто начальник службы безопасности «Октанового рая» бдительно предположил, что я, возможно, внедренный к ним сотрудник Следственного комитета.

Прислонившись плечом к бензоколонке (это не возбранялось), я благостно всматривался в бодрюю весну-лето.

— Что-то в театр ужас как хочется... — сдержанно засмеялась Луиза.

— В какой?

— В любой.

— А ты давно не была?

— Никогда.

— Ничего себе. Почему?

— Одеть нечего было. Всегда ходила как шлюха с окраины.

— Не смей так при мне говорить.

— А вчера плюнула на все и купила себе классное платье. Их еще называют «коктейльными». Черно-белый шелк, плечи и шея открытые. Нитка жемчуга. Я хочу, чтобы ты заценил его.

— Показывай.

— Дома оно.

— Принеси как-нибудь.

— У меня нетерпеж. Пойдем прямо сейчас ко мне. Я живу через дорогу. Белого подиума у меня нет, но показ мод организую.

— И большая будет у тебя тусовка?

— Ты и я. А насчет работы не беспокойся. Я договорилась обо всем с Ботаником. Прикроет. Если наскочит проверяющий, ты понес выбрасывать просроченные продукты из магазина.

Луиза романтически взяла меня под руку. Учитывая, что мы оба были в фирменной ярко-красной робе с серебристыми светоотражающими полосами, мы смотрелись как еще та парочка. Инопланетяне, да и только. Мне казалось, что все ошалело пялятся на нас. Возможно, даже покойники в морге зомбированно поднялись со своих алюминиевых лежаков и прильнули к окнам, безмолвно наблюдая нашу процессию с точки зрения Вечности. Не исключено, что среди них затесалась и грустная душа господина де Монтеня. Далее эстафету любопытства перехватили жильцы Луизиного дома. Хорошо хоть, что с балкона никто из них не упал или в окно с удивленным шоковым вскриком не вывалился.

Луиза жила на четвертом этаже в трехкомнатной «сталинке» с претенциозными эркерными выступами, построенной семьдесят лет назад пленными гитлеровцами. В просторной квартире старшего менеджера по клинингу и эстетике я не мог не заметить грязную посуду в ржавой раковине, лохматые пряди густой паутины у потолка и странных ярко-белых тараканов.

— Линяют, сволочи. Весна!!! — усмехнулась Луиза и с чувством, толком, расстановкой приступила к демонстрации мод.

Первым делом — долой комбинезон, следом — все остальное. Через мгновение, прочертив нежный пируэт, ее лифчик оказался у меня на плече. Луизины курносые грудки-сестрички с любопытством нацелили в мою сторону свои карие соски.

Я почувствовал себя в люльке центрифуги, которая резво начала неумолимое движение: быстрее, все быстрее... И вот представьте только, что вы уже весите тонну с гаком.

— Потрогай меня за груди... — тихо, но твердо произнесла Луиза.

Я понял, что отказать невозможно. Да и с какой стати?..

Ее груди оказались замечательные. Я не профессиональный дегустатор дамских прелестей, но в этом случае даже слепой мог заценить их высокое качество. Мне показалось, что это самое радостное тактильное ощущение в моей жизни за последние годы.

— Нравятся?

— Классика.

— Так продолжай. Или ты ждешь какого-то особого распоряжения?

— Вроде того.

— Свыше? От Бога?

— Может быть.

— Ты никак не можешь забыть свою покойную жену?..

— А как иначе?

— Тогда вали.

Ботаник встретил меня снисходительной улыбкой сквозь чащобу ежистых усов. Кажется, он ждал с моей стороны ошеломляющих сексуальных откровений.

Когда его терпение лопнуло, он достаточно сильно толкнул меня плечом в плечо.

— Чувствую, ты, того, не позарился. Оно и правильно. Дармовая шлюха...

Я никогда не бил первым. Не потому, что по классификации Карла Густава Юнга принадлежал к этическим интровертам. Просто я убежден, что

наказание зла равносильно его прощению. Надо дать ему возможность остаться с самим собой наедине, вкусить собственного яда.

9

Где-то через неделю к нам на заправку неожиданно приехала на белом перламутровом Bentley Continental GT самая главная проверяющая всех и вся некая Элеонора Павловна Плотницкая — молодая, красивая дама, которая с каждым произнесенным словом все более превращалась у вас на глазах в сварливую старушенцию. Прибывшие с ней местные телевизионщики, точно спецназ во время контртеррористической операции, стремительно захватили все важные высоты нашей АЗС. Коржаков сгоряча бросился сам собирать по территории окурки и прочий мусор, лихорадочно рассовывая его по карманам.

Бдительно проведя ревизию соответствия автозаправки фирменным нормам «Октанового рая», и в рекламных целях заправив полный бак своего суперного авто перед камерами телевизионщиков, Элеонора Павловна было собралась ехать дальше. Я по командирской отмашке Коржакова сделал шаг вперед к ее снежно сияющей машине и вдохновенно пожелал «Счастливого пути! Приезжайте к нам еще!»

Пафосный слоган, сконцентрированно выражающий клиентолюбящий дух нашей бензиновой империи, у меня почему-то всегда звучал выразительней, чем у других автозаправщиков. Но на этот раз фраза на удивление получилась особенно звучной, емкой и даже артистичной.

Коржаков торжествовал, мелко посмеиваясь. Кажется, мы выдержали проверку на все сто процентов. Может быть, даже на сто пять с гаком!

Элеонора Павловна со строгим любопытством оглянулась на меня.

— Как твоя фамилия? Монтень, кажется?

Что она собиралась сказать еще, так и осталось загадкой.

Луиза в это время на цыпочках огненно смотрела на меня через витрину магазина, судорожно прижав к груди суперсалфетку для мытья окон «Мир прекрасен». Казалось, еще минута и ее взгляд прожжет все восемь миллиметров закаленного многослойного стекла.

— Андрюху убило!!! — вдруг заверещала Луиза.

Само собой, первыми к моему рухнувшему навзничь на асфальт наставнику сбежались телевизионщики. Он лежал, широко раскинув руки, словно собирался объять ими весь мир. Лежал там, где нам запрещалось даже на корточках сидеть, — на своем рабочем месте возле бензоколонки.

Около Андрея Арнольдовича стояла на коленях та самая знаменитая выездная Шалавдия. Она так туго затянула обеими руками на своей изысканной шее французский узел шелкового шарфика, словно норовила удушить себя на манер Айседоры Дункан. Эта женщина действительно была очень красивая. Просто мне не приходилось видеть ее так близко, чтобы по достоинству оценить. Прожив немало, я впервые столкнулся с таким филигранным совершенством.

При виде поверженного наставника, я сгоряча решил, что его поразил какой-нибудь там летальный гипертонический криз, вызванный ревнивыми мыслями о моем походе домой к Луизе.

— Это я убила Андрюшку... — сипло прошептала Шалавдия.

Она не была блондинкой, но, тем не менее, начала отъезжать, когда заправочный пистолет Андрея Арнольдовича еще находился в горловине бензобака ее мощного, дерзкого Jeep Wrangler и всю натужно работал. Само собой, поначалу шланг стал осторожно растягиваться вслед за ее джипом — ничего другого ему не оставалось. Но это не могло продолжаться до бесконечности. Панические крики Ботаника Шалавдия не слышала, как

оглушенная внезапно грянувшей весной-летом. И тогда в радужном рое бензиновых брызг пистолет взбешенно вылетел из топливного раструба, роняя мокрые клочья густой пены, и, словно метательный снаряд, выпущенный из пращи в момент наиболее сильного маха, с дребезжащим свистом прицельно ударил в первое попавшееся ему на пути препятствие. Им оказался судорожно наморщившийся лоб Андрея Арнольдовича. Что-то помешало ему уклониться. То ли мальчишески заостренные голые плечи Шалавдии, то ли запозднившееся, глухое похмелье.

— Я закрываю бензоколонку до выяснения обстоятельств. Прямо сейчас... Все уволены, кроме тебя, Коржаков... — проговорила Элеонора Павловна голосом человека, которому наши микроскопические судьбы отравляют радость бытия своей бессмысленностью.

— Никак не могу согласиться с вами... Клиенты нас не поймут. Тут такое столпотворение начнется... — судорожно, до задыха вздохнул Коржаков. Более того, в глазах Анатолия Николаевича как отблеск разорвавшегося снаряда вспыхнул. Он вдруг вновь ощутил себя гвардейским офицером и молодечески передернул плечами, словно увенчанными майорскими погонами. Или даже полковничьими. Почему бы и нет?

— Тогда и сам пошел вон. Ты тоже здесь больше не работаешь, солдафон! — зажглась Элеонора Павловна.

Луиза ударила кулаком по зеркалу капота ее Bentley, словно хотела его разбить вдребезги.

— Ты, Павловна, — начальник. Я — раба. Но ты не читала Монтеня. И поэтому не знаешь простой истины: кто не постиг науки добра, тому всякое иное знание приносит лишь вред.

Луиза принесла из бытовки траурно-черный трупный мешок. Я не узнал ее. Глаза как щелки, рот судорожно приоткрыт, а грузинские брови сошлись к переносице. Скорбь изрезала лицо множеством старушечьих морщин. Я увидел Луизу такой, какой она будет накануне своего столетнего юбилея. Хотя было в ней что-то и от горько плачущего новорожденного ребенка, который пришел в отчаяние от безжалостной ссылки на планету Земля.

Когда Андрея Арнольдовича неуклюже, но бережно упаковали в гляцевую морговскую трупную тару, и бегунок с шепелявым верещанием закрыл змейку молнии, у меня безбашенно вертнулось в голове, что мой наставник просто-напросто примеряет спальный мешок перед бесконечно долгим походом. Только нет, не туристическим. А, скажем, на какую-нибудь экзопланету в поисках феноменальной разновидности пустынного белого саксаула.

В его родной морг солидно тяжелое тело Андрея Арнольдовича мы несли на руках. Само собой, в раскоряку. Но вся дорога — рукой подать. Вон уже сотрудники мертвецкой юдоли трепетно выбежали за ворота встретить своего садовника. В руках у них дымчато алели его розы. На сочных бархатистых лепестках слезно поблескивали капли недавнего дождя. Здешние работники служебно привычны ко всему, что касается смерти после жизни, но Андрей Арнольдович нелепостью своей гибели растревожил остатки их общечеловеческих чувств и на время лишил защитной отрешенности.

— Бедный Андрюха... — сдавленно проговорил мне в спину Коржаков. — Сковырнул его исторический процесс с нажитого места, а найти другое подзабыл. Я тебе рассказывал, как мы с ним на пару трудились в морге?

Коржаков тогда шоферил на труповозке, мой наставник — был на ней, типа, медбратом. День и ночь шмыгали они по Воронежу и области. Всякого нагладелись. Но особенно запомнился ему случай, когда они с Ботаником года три назад по невиданному гололеду поехали в Березовую рощу за

трупом. Повсюду пробки — все улицы непроездно замурованы льдом. Тогда они свернули в парк «Динамо» и зашли к покойнику, как говорится, с тылу. К нужному дому взбирались по черно-зеркальной от наледи Пионерской горке. Отдышавшись, попив чайку с опечаленными родственниками, вынесли из подъезда на носилках пакет с трупом. Но как теперь втроем спуститься вниз к машине по такой скользоте? Вот тогда после доброго глотка спирта и вызрел у них смелый план. Оседлав труп, они лихо понеслись на нем под гору. Еще и песню вдохновенно заорали: «Из-за острова на стрежень...» Ветер хлестко рвал весело раззявленные рты. На ухабах, облитых льдом, они яростно подскакивали. Однако никакие удары по их задницам не достигали цели. Все сотрясения безболезненно принимал на себя окостеневший труп.

Гвардии майор азартно ткнул меня кулаком:

— А вот еще... Приехали мы как-то с Ботаником очередного жмурика забирать. Только он по бумагам проходил как мужик, а перед нами лежала самая настоящая баба!.. Со всеми ее высококачественными женскими признаками. В общем, за «красненькую» мы проявили современность мышления и махнули рукой на то, что незадолго до внезапной смерти в расцвете сил наш клиент осуществил свою долгожданную мечту: поменял мужской пол на женский. Правда, отдаться так никому и не успел. Ушел в мир иной чистой девицей. Зато теперь, наверное, в Раю отдыхает без всяких яких.

— Знаешь, какая кликуха у директора морга? — притомленно вздохнул Коржаков, когда гроб был доставлен по назначению.

Оказалось, что начальника этого земного филиала небес обетованных сотрудники добродушно кличут Главным Упырем.

Вечером у Луизы мы всей бензоколонкой поминали Андрея Арнольдовича. Достаточно углубленно — нужные средства на это мероприятие тайком от

всех нам передала, конечно же, Анна Ивановна. Так что поминали эксклюзивным коньяком и прочими деликатесами, еще не попавшими под санкции. Правда, пили из разномастных чайных чашек с ягодками-цветочками. Кстати, в этом есть свой шарм.

Весь вечер Луиза вдохновенно сидела у меня на коленях и после каждого тоста целовала с таким упорством, что у меня опухли губы. Ее «приходящий» Петя смиренно сутулился напротив нас, вяло и безучастно улыбаясь.

— Я так хочу тебя любить... — раз за разом шептала впервые за все время «датая» Луиза. — Хотя сама же первая буду в душе осуждать тебя, что поспешил отказаться от траура по жене. Держись, мужик! Эх, никто меня не тискает, кто по душе. А я дико старею. Сорок шестой год пошел...
Страшно...

Я тупо молчал.

— Мужики, у меня особый тост! — вдруг проникновенно улыбнулся наш гвардии майор. — Давайте, того, без дураков, выпьем еще раз за нашего Ботаника!.. Чтоб он в Раю стал садовником вместо выбывшего на Землю Адама!

Мы усердно поминали далеко за полночь — с завтрашнего дня никого из нас работа не ждала: Элеонора Павловна так-таки убедила руководство нас уволить, а АЗС закрыть как неперспективную.

— У меня такое чувство, что мы с тобой больше не увидимся... — вдруг напряглась Луиза. — И что нас вообще связывает? Только этот Монтень? Зачем я тогда заговорила с тобой о нем?

Я спохватился:

— Слушай, у меня действительно нет номера твоего телефона.

— Ну и что? Зачем он тебе? Захочешь увидеться — дорогу знаешь.

11

Оставшись без работы и без Луизы, я первую неделю «запойно» провалялся на диване. Это было как возвращение в самого себя. Примерно такое состояние переживают люди, которые в состоянии клинической смерти достигают через тоннель ворот некоего Града Солнца и вдруг слышат чей-то сочувственный вздох: «Этому еще рано. Верните его назад»...

Меня вернул банальный звонок в дверь.

На незваном визитере был отменный костюм, каких я не видывал вблизи ни на ком. От всемирно известной бельгийской фирмы Scabal.

Я понял, кто передо мной.

Мы машинально пожали друг другу руки.

— Андрей, — строго, но как-то при том вдохновенно вежливо назвал себя гость.

Так я впервые узнал земное имя Учредителя нашей топливно-энергетической системы «Октановый рай».

— Я приехал принести извинения за горячность Элеоноры Павловны. Она ценный сотрудник, однако в круг ее обязанностей кадровые вопросы не входят. Кстати, я распорядился установить на могиле Андрея Арнольдовича бронзовый бюст.

— Вон как... — вздохнул я и чуть было не ляпнул нечто по поводу белого саксаула в качестве альтернативного материала.

— Так что прошу Вас завтра выйти в ночную смену. Ваш вынужденный прогул я покрою из своего личного премиального фонда.

— А как остальные мужики?

— Статус кво полностью восстановлен.

— Ну да, ну да... Только вот все равно не могу, — сказал я с таким болезненным напряжением, точно нечаянно порезался. — Какая досада! Извините, что подведу вас всех. Вы, кстати, сегодня в Интернет заходили?

— Само собой.

— Значит, не доглядели... — вдруг как понесло меня. — На ленте новостей опубликован указ, чтобы отныне вновь считать литераторов государевыми людьми за особую важность их труда для воспитания нынешних и будущих поколений. Там, наверху, наконец, поняли, что мы — товар штучный, и к нам следует относиться как к национальному достоянию. Так что сейчас мне срочно переоформляют пенсию. Сами понимаете, каких отныне она будет масштабов. Не меньше депутатской.

— Замечательно... — сдержанно вздохнул Андрей. — Я обязательно поделюсь вашей заслуженной радостью с трудовым коллективом компании.

— Луизе, простите за наглость, об этом сообщать не обязательно.

— Не волнуйтесь. Ей сейчас ни до чего. Дама находится в полнейшей депрессии. А вчера в пьяном виде чуть ли не голая ходила вокруг АЗС и злобно предлагала себя всем встречным мужикам. Мужики разбегались от нее кто куда. В общем, хорошего вам дня и новых творческих успехов! Может быть, и историю моей топливной корпорации отразите на своих страницах?

— Всенепременнейше.

— Ловлю на слове.

После моего наглого вранья насчет эксклюзивной пенсии все вдруг разом обрыдло мне в жизни этого второго варианта человечества, слепопотопного. Как есть заныла во мне в унисон с Луизой реальная депрессуха.

С этим настроением я и поднялся вскоре к ее квартире. Поначалу мне показалось, что я ошибся дверью. По крайней мере, такой я ее не помнил. Сейчас она была старательно украшена магнитиками со свадебными картинками и фотографиями, как в некоторых семьях дверца холодильника. На одних — восторженные пухлые ангелочки, на других — невеста и жених сидят на облаке, под которым даже стихи есть: «Вдвоем решили мы навечно свою судьбу соединить, и приглашаем вас сердечно, чтобы нашу радость разделить. Спасибо, что были на нашей свадьбе! Луиза и Петр».

Я человек в некоторой степени понятливый. Так что молча зашагал вниз, мимоходом отметив, что суставы почему-то не очень слушаются меня. И мой возраст явно был тому не самой основной причиной.

Луиза окликнула меня с балкона. Я так и не понял: она вышла на него случайно или экстрасенсорно почувствовала мое появление? Скорее всего, ни то и ни другое.

— Приветик, милый!..

Я смутился так, словно она стояла на балконе голая.

— Ты пришел по мою падшую душу?

— Скорее всего, спасти свою.

— До тебя уже дошли высоконравственные разговоры про мою развратную охоту на мужиков?

— Что-то вроде этого.

— Не переживай за меня. Мы заделаем с Петей семью круче, чем пушкинская Ларина со своим знатным генералом. Из проституток получают самые верные жены! Как писал Монтень, «нередко сам порок толкает нас на добрые дела». Ты-то куда теперь? Только не в запой. Хорошо?..

— Обещаю. Будь счастлива.

— Черта с два. Да это и не главное...

12

В мой двор надо входить через длинную узкую арку. В ее сумеречной глубине стоял большой пес. Я этих животных никогда не боялся. И они это знали. Возможно, в прошлой жизни я сам был еще тем кобелем. Или все-таки сукой?.. Без разницы.

Пес повернул ко мне большую, матерую голову. Движение, исполненное королевского достоинства, но оно, тем не менее, выдало его старость. По крайней мере, если судить по собачьим слезящимся, угрюмым глазам. Таких больших псов в Воронеже я еще не видел. Это был классический английский мастифф.

— Ты что приуныл, зверюга? Где твой хозяин? — вырвалось у меня. И еще я ляпнул: — Жрать хочешь?

Само собой, псина смолчала.

— Ладно, бывай.

Через полчаса я вышел в магазин. Вернее, выскочил. За мной роем заполошно летели те самые свадебные ангелочки с праздничной двери Луизы и шумно кричали: «Не смей!!! Ты же обещал ей не пить!!!» На лице у меня

явно было выражение человека, только что пережившего психологическую катастрофу.

Пес торчал на том же месте. Вернее, теперь он обессилено лежал во всю свою двухметровую длину. Он словно бы терял силы с каждой минутой. Так действует затяжное одиночество даже на собак.

И тут во мне заговорила совесть. Или что? Толком не знаю. Ангелочки не возымели успеха в своем праведном устремлении, а старая псина... В общем, я вернулся в магазин, сдал водку и купил десять килограммов замороженных куриных желудков, похожих на груды смерзшихся маленьких морских ракушек. Самое оно для кормления более чем немолодой собаки. Я кое-что знал по этой части. В моей жизни уже были легавый пес Джек, немецкая овчарка Альма, пудель Фэри и сенбернар Аманда.

Старина мастифф с благородной аккуратностью лизнул мое приобретение и вздохнул: мол, сойдет, чего уж там...

Англичанин трудно, оскальзываясь, встал и пошел за мной. Еще бы. Кажется, он понял, что это конец его блудных странствий и вынужденного голодания. Еще и протяжно вздохнул. Совсем по-человечески.

И мне полегчало. Возможно, моему одиночеству тоже пришел конец. Пусть и не такой, как мне хотелось.

Я невольно подумал, что мы, вполне возможно, не случайно встретились. Эта псина могла сделать свой выбор относительно меня даже раньше, чем мы живую увидели друг друга. Он набрел на мой запах и по нему получил от Разума Вселенной все необходимые сведения относительно моего характера, привычек, а также про мою странную философскую дружбу с Луизой и заочно — Монтенем. Возможно, он даже на каком-то особом энергетическом уровне обсудил мою кандидатуру на должность его Хозяина с душами Джека, Альмы, Фэри и Аманды.

Оставалось дать собаке имя. Долго искать его мне не пришлось. Я с ходу решил, что назову псину Монтенем. И вовсе не назло французскому мыслителю.

Пока мы шли к моему подъезду, я меланхолически размышлял, а не могла ли душа реального господина Монтеня в ее вселенских блужданиях, в конце концов, действительно переселиться в эту собаку?.. Нет ли в его глубинных «Опытах» каких-то явных или неявных намеков на возможность подобной метаморфозы?

Мне невольно захотелось поделиться с Луизой таким моим любопытным предположением. Но как отреагируют на это свадебные ангелочки, что сладострастно облепили ее дверь, точно мухи рыбью голову не первой свежести?

— Лорд!! Лорд!!! — вдруг услышал я за спиной заполошное женское зывание. — Мужик!!! Отпусти мою собаку! Держите вора!!!

Я всем опытом своей нескладной жизни понял, что эта кутерьма имеет ко мне прямое отношение.

И остановился. Никто меня пока не держал, как требовала того невысокая, но очень даже широкая во всех своих пропорциях женщина, стремительно надвигавшаяся на меня. Вообще мы были с ней во дворе одни. При одном взгляде на Монтеня люди избирали для своей дальнейшей дороги обходные пути.

Обессилов, задохнувшаяся женщина как упала мне на руки. Английский мастифф словно дворняжка завертел хвостом. Мне даже показалось, что этот Lord сейчас плебейски завизжит-заскулит и начнет восторженно барабанить лапами по асфальту.

— Простите... Наш Лорд уже неделю как потерялся. Бросился за сучкой — и с концами! Мы с мужем сходим с ума...

Я отпустил ошейник. При этом мне явно хотелось дать псине пинка на прощание. Гуляка хренов, в которого на старости, как видно, переселилась поныне мятущаяся душа сэра Роберта Ловеласа. И что мне теперь прикажете делать с собачьей едой? Конечно, с помощью перца и лаврушечки ее вполне можно превратить в самую что ни на есть человеческую, но их вкус уже на языке у господина Лорда-Монтеня. Пришлось сунуть «мяску» вместе с сумкой его хозяйке. Типа гуманитарной помощи. Это, кажется, подействовало на нее успокаивающе. По крайней мере, она улыбнулась.

Все мои гештальты остались при мне. В целости и сохранности. При таком жизненном раскладе русскому человеку самое оно спиться, застрелиться или уйти в монастырь. Первое и второе почему-то не вдохновляли мое неиссякаемое любопытство к жизни: начиная от бодрого высвиста малиновки на мокрой от крупной росы яблоневого ветке и до глубокого Космоса, увенчанного словно бы ржущей туманностью Конская Голова.

Оставалось примерить рясу?

Дома я внимательно посмотрел на себя в зеркало и не увидел в нем ничего, хотя бы отдаленно напоминающего батюшку или монаха.

Зато вспомнилось, как ездил я с год назад в Задонск писать статью по истории Рождество-Богородицкого монастыря, как решил заодно заказать Сорокоуст по моей покойной Марине... Записывая в тетрадь ее имя, молодая монастырская служка, безрезультатно прятавшая красоту своего лица за надвинутым черным платком, за смиренным выражением и постолюбивой бледностью, искоса взглянула на меня.

— Господи, разве можно с такой мукой наедине быть! — скорбно вскрикнула она, высунувшись чуть ли не до пояса из киоска: блестящие брови судорожно сошлись на переносице, враз расплававшиеся щеки тревожно приподнялись.

Она взволнованно, будто врач, заметивший опасный симптом, принялась убеждать меня пожить при монастыре, дать молитвенный роздых душе. А коли та возжелает, так и посильное послушание принять: убираться в храм, сподручно помогать в трапезной, в саду или на пчельне к общему делу приладиться. Мол, есть трудники, что годами радуются послушанию и даже обретают монашеский постриг.

...Я человек невоцерковленный, но слышал — существует такой жребий, чтобы в крайних безвыходных случаях раскрыть наугад Евангелие или Псалтирь, и что в них глаза твои без выбора прочтут, — вот тебе и Воля Божья сокровенно объявлена.

Усмехнувшись, я взял с полки «Новый Завет» и мне выпала глава 7 от Матфея со словами: «Входите чрез узкие врата»...

За парком в квартале от моего дома на колокольне бревенчатого Христовознесенского храма вдруг мерно ударил колокол: звон отошел бережный, вдумчивый... Вечерняя суточная служба окончилась смиренно, кротко.

13

Утром я первым автобусом выехал в Задонск. Только в качестве кого: трудника, паломника?.. Не знаю. Ну, не знаю, ей-Богу!..

Моя недавняя жизнь, где были, пусть и недолго, мудрый знаток саксаула Андрей Арнольдович, героический гвардии майор Коржаков, некогда державший в руках ядерный щит Родины, раскованно ищущая высший смысл жизни Луиза, вкупе со славным Монтенем, и деловито-вежливый

Управляющий «Октанового рая» — эта жизнь для меня перестала быть в одночасье. Пронеслась как вихрь... Какую по счету я начну с этого дня? В чью дверь постучусь?..

«Здравствуй, новая жизнь!..»

Эту фразу я украл у Чехова или Данте с его «Vita nova»? Пусть простят. Тем более что для меня в ней нет и следа от их вдохновенного оптимизма.

Давным-давно не то время на дворе.

Сергей Прокофьевич Пылёв родился в 1948 году в городе Коростень Житомирской области. Окончил отделение журналистики ВГУ. Работал журналистом в воронежских изданиях, редактором отдела прозы журнала «Подъём», главным редактором журнала «Воронеж: Время. События. Люди», заместителем председателя правления Воронежской организации Союза писателей СССР. Член Союза писателей России с 1984 года. Сергей Пылёв автор 9 книг рассказов и повестей, выходявших в Воронеже и Москве. Публиковался в журналах «Подъём», «Берега», «Север» и «Москва», еженедельнике «Литературная Россия». Награжден Почетными грамотами администрации Воронежской области за большой личный вклад в развитие литературы нашего края, медалью общественного Совета ВДВ России «За верность долгу и Отечеству».

Живет в Воронеже.